

— Цюй Хэ, что ты задумал? Ты только и можешь, что наглеть, пользуясь связями своего дяди! Что случилось сегодня? Ты, трусишка, сам решил вылезти? — Папа Лян, обычно молчаливый, теперь говорил так, что каждое слово било точно в цель.

Цуй Дапао был изувечен Лян Цзивэнем, и несколько дней назад вся коммуна гудела от этой новости. Лян Цзивэнь действительно жестоко расправился с ним, и даже в уездной больнице сказали, что ногу не вылечить, нужно ехать в Пекин. Семья Цюй, хоть и имела немного денег, не могла позволить себе лечение в Пекине. Они боялись Лян Цзивэня, но ненависть к семье Лян только усилилась.

Сегодня утром Цюй Хэ услышал, что Лян Цзивэнь очнулся, и сердце его замерло. Они думали, что он умрет от потери крови, но Лян Цзивэнь оказался крепче, чем они предполагали. Цюй Хэ не смог усидеть на месте.

Опасность Лян Цзивэня была очевидна для всех. Если он поправится, то точно не оставит их в покое. Поэтому Цюй Хэ сразу же собрал людей, чтобы устроить скандал в доме Лян. Он все еще боялся Лян Цзивэня, но, вспомнив, что тот лежит в постели и не сможет выйти, обрел смелость.

Дедушка Лян с людьми встал напротив Цюй Хэ и его банды, разделенные несколькими деревянными палками. Старый староста деревни вместе с односельчанами настороженно наблюдали за ними.

Снаружи было шумно, Лян Цзию подглядывал через щель в двери, а затем возвращался с докладом. Дедушка Лян запер дверь снаружи и завалил ее разными вещами, чтобы замедлить возможное вторжение. Он боялся, что Цюй Хэ и его люди ворвутся внутрь, и эти преграды могли дать им шанс скрыться.

— Брат, Цюй Хэ точно не оставит нас в покое. Что нам делать? — Лян Цзию, рассказав о том, что увидел, положил голову на руку Лян Цзивэня, и в его глазах уже блестели слезы.

— Если ничего не получится, я возьму нож и выйду, чтобы заколоть их всех. За одного я не проиграю, за двоих — выиграю! — Лян Тин скрежетала зубами, полная ненависти.

— Не говори глупостей! — Чжань Цзюцзян нахмурился и резко оборвал ее. — Мы живем хорошо, зачем нам умирать вместе с этими отбросами? У нас впереди еще много хороших дней, а эти хулиганы только вредят другим, и в конце концов получают по заслугам!

— Если бы мы могли пожаловаться, мы бы поехали в Пекин и нашли хорошего чиновника, чтобы он рассудил нас! — Голос Лян Сысы дрожал, и слезы катились по ее щекам.

— Тогда мы пожалуемся. — Лян Цзивэнь внезапно произнес, и все вздрогнули.

Лян Сысы сказала это просто так, не всерьез, и тут же заторопилась:

— Брат, не слушай меня, я просто болтала. — В ее представлении Пекин был чем-то невероятно далеким и великим. Она мечтала о нем, но одновременно испытывала благоговейный страх.

— Цюй Хэ и его люди хотят нас поскорее уничтожить. Как они позволят нам добраться до Пекина? — Мама Лян, бывшая новой интеллигенткой, сильно повлияла на Лян Тин. Хотя Лян Тин выросла в деревне, она не боялась больших городов. Для нее это было просто место, где можно узнать что-то новое, и она мечтала о нем, но не чувствовала себя ущемленной.

— Брат, мы поедем в Пекин? — Лян Цзию не задумывался о таких сложностях. Для него Лян Цзивэнь был самым сильным человеком, и если он сказал, что пожалеется, то обязательно сделает это. Он с нетерпением ждал возможности увидеть большой город.

Чжань Цзюцзян смотрел на него, ничего не говоря, но его молчание было поддержкой.

— Мы не поедем в Пекин. — Лян Цзивэнь медленно произнес, глядя на их недоумевающие лица. — Мы напишем письмо Председателю.

Дети широко раскрыли глаза, смотря на него в полном изумлении.

Каждый из них в глубине души хотел пожаловаться, но никто даже не думал о том, чтобы обращаться напрямую к Председателю!

— Если все хорошо спланировать, я думаю, это стоит попробовать. — Чжань Цзюцзян, немного подумав, согласился.

— Но... — Лян Сысы сомневалась в этом плане, но другого выхода у них не было.

— Тин, быстро найди бумагу и ручку, мы напишем сейчас же. — Сказав это, Лян Цзивэнь попытался подняться.

— Не двигайся, лежи! — Чжань Цзюцзян тут же удержал его.

— Вы четверо останетесь здесь, присмотрите за младшими и напишите письмо. Я найду способ отправить его. — Лян Цзивэнь сказал, глядя на Чжань Цзюцзяна, который с мягкостью, но твердо отпустил его руку.

Чжань Цзюцзян встретился с его взглядом, глубоким и завораживающим, и почувствовал, как что-то щекочет его сердце. Он замер и отпустил руку.

— Брат!

— Брат...

— Старший брат!

Лян Цзивэнь надел ватник и встал с кровати. Лян Сысы и другие бросились останавливать его, а младшие дети поползли к нему.

— Сидите спокойно.

— Пусть идет.

Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян произнесли это одновременно, и оба немного удивились. Чжань Цзюцзян улыбнулся ему тепло, а взгляд Лян Цзивэня смягчился.

— Жди меня.

— Хорошо.

Чжань Цзюцзян смотрел на уходящего Лян Цзивэня, и в его глазах появилась горечь. Он ненавидел себя за то, что в прошлые годы не приложил больше усилий, не тренировался усерднее, чтобы теперь быть рядом с ним.

Чжань Цзюцзян, не одевшись, спустился с кровати. Он был очень чувствителен к холоду, но не хотел тратить время на одевание. Он взял Лян Цзивэня за руку, усадил его, а затем вместе с тремя братьями и сестрами начал убирать вещи, загромождавшие дверь.

— Я жду тебя. — Чжань Цзюцзян поправил ему одежду и с легкой обидой сказал. — В следующий раз возьми меня с собой.

— Хорошо. — Лян Цзивэнь понимал, что Чжань Цзюцзян имел в виду. Он переступил порог, снова завалил дверь вещами и отправился на кухню, где в кладовой нашел коромысло. В доме, кроме железного котла и маленького ножа дедушки Лян для столярных работ, не было других металлических инструментов. Серпы, топоры и мотыги были взяты в коммуне.

— Сын, зачем ты вышел? — Мама Лян, услышав шум, обернулась и увидела Лян Цзивэня, который тащил коромысло. Ее лицо побелело.

Лян Сысы, Лян Тин и Чжань Цзюцзян быстро разложили бумагу и ручки, обсуждая, как написать письмо, а Лян Цзию следил за происходящим снаружи.

Шум за дверью постепенно стих, и они уже написали письмо, которое Лян Сысы аккуратно переписала.

«Уважаемый Председатель!

Прежде всего, я хочу передать Вам привет от всех крестьян нашей коммуны.

Я ученик сельской школы, живу в бригаде Циншань коммуны Цзяньлинь, уездного города Минляо, провинции Х, города Хайчжун. Моя семья относится к беднякам. Я родился в светлую эпоху после основания страны. Мой дед носил оружие и передавал разведданные Народно-освободительной армии, мой дедушка пожертвовал все свое состояние революции, мой дядя был славным бойцом Народно-освободительной армии, отдавшим жизнь за Родину. Мы — трудящаяся семья, стремящаяся внести свой вклад в строительство социализма. Мой старший дядя до прошлого месяца был деревенским секретарем, искренне служившим народу. С детства я верил, что Председатель — добрый, уважаемый и любимый человек! Вы самый справедливый человек в мире.

У меня есть старшая сестра, ей десять лет, и старший брат, ему одиннадцать. В начале этого года, когда в деревню привезли кино, меня и сестру остановила группа хулиганов, которые пытались нас оскорбить. Мы с сестрой изо всех сил сопротивлялись, и, к счастью, мой друг успел вернуться за помощью. Мы смогли продержаться до прибытия моего брата.

Мой брат когда-то страдал от психического расстройства, был заторможенным, но обладал огромной силой. Он обезвредил хулиганов, а затем наш староста помог нам добиться справедливости. Тогда семья хулиганов извинилась перед нами. Моя мама сказала, что мы — хорошие дети партии, и мы приняли их извинения.

Но мы не ожидали, что их дядя — командир батальона ополчения нашей коммуны. Он привел людей и обвинил нас в подрыве социализма, арестовав нашу семью и семью Чжань Цзюцзяна, который заступился за нас. Мы — две семьи с чистыми корнями! Мы не враги, мы не преступники!

В ходе спора трое моих младших братьев и сестер были схвачены за горло, мой брат, испытав шок, в припадке избил людей, а командир ополчения чуть не разрубил его топором пополам и хотел расстрелять нашу семью!»

<http://bllate.org/book/16557/1510882>